Новая экономическая модель для Америки после гегемонии

Профессор Ричард Вольф утверждает, что США разрабатывают новую экономическую модель, чтобы адаптироваться к постгегемонистской реальности. Подписывайтесь на профессора Гленна Дисена: Substack: https://glenndiesen.substack.com/ X/Twitter: https://x.com /Glenn_Diesen Patreon: https://www.patreon.com/glenndiesen Поддержите исследования профессора Гленна Дисена: PayPal: https://www.paypal.com/paypalme/glenndiesen Buy me a Coffee: buymeacoffee.com/gdieseng Go Fund Me: https://gofund.me/09ea012f Книги профессора Гленна Дисена: https://www.amazon.com/stores/author/B09FPQ4MDL

#Glenn

Добро пожаловать обратно в программу. Сегодня с нами профессор Ричард Вольф, чтобы обсудить некоторые новые события. Конечно, все говорят о новой стратегии национальной безопасности Соединённых Штатов, и я с нетерпением жду вашего мнения. Как всегда, спасибо, что снова пришли в программу.

#Richard Wolff

Хорошо, я очень рад быть здесь, и спасибо, что пригласили меня.

#Glenn

Я считаю себя в некотором роде экономическим националистом, в том смысле, что полагаю: технологический и экономический суверенитет являются предпосылками политического суверенитета и свободы. Поэтому я обращаюсь к таким людям, как Александр Гамильтон, Фридрих Лист и Сергей — извините, Сергей Витте. Мне показалось любопытным, что в новой стратегии национальной безопасности США, на которую все обращают внимание в основном из-за её военной составляющей, на самом деле есть целый абзац, посвящённый Гамильтону и его экономическим планам. Возможно, администрация истолковала их довольно свободно, не совсем так, как я бы согласился, но тем не менее — как вы оцениваете эту новую стратегию национальной безопасности с точки зрения международной торговли и политики?

#Richard Wolff

Ну, я думаю, что это так — и, конечно, люди, которые это написали, не согласились бы с тем, что я сейчас скажу, — но, по-моему, это максимально близко к признанию с их стороны того, что американская империя закончилась, что её глобальное влияние навсегда утрачено, или,

по крайней мере, утрачено на данный момент. И они пытаются сформулировать, и хотят сформулировать, позитивно окрашенную стратегию того, куда двигаться дальше, потому что старая идея — существующая в этой стране веками — о том, что она является новой волной будущего, что она воплощает все великие достижения — политические, экономические, культурные, военные, исключительность США — всё это.

Двенадцать способов сказать, что в каком-то состоянии есть нечто постоянное, хотя на самом деле оно совершенно не было постоянным. Что я имею в виду? Всё это было временным до конца 1945 года. Это формулировалось и раньше, но в это не верили даже те, кто это формулировал. Они знали, что они агитаторы, знали, что они болельщики, и хотели праздновать рост Соединённых Штатов — без сомнения. Но стать мировой империей, заменить Британскую? Нет, они не думали, что это им доступно, совсем нет, не в глубине души, когда говорили честно. Конец Второй мировой войны изменил это.

Та война стала зрелищем уничтожения всех возможных конкурентов Соединённых Штатов. Британия, Франция, Германия, Италия, Япония, Китай, Россия — все они уничтожили друг друга. Единственное место, которое не было разрушено, — это Соединённые Штаты. Знаете, кроме Перл-Харбора в самом начале — а это было на Гавайях — здесь не упала ни одна бомба. Ни один завод не был разрушен, ни один мост не взорван, ничего. А с точки зрения экономики, мы находились в худшей депрессии капитализма с 1929 по 1941 год. То, что вывело нас из неё, — это война. Война забрала миллионы безработных людей: половина из них надела форму и стала армией, а другая половина получила работу, шьющую форму для армии.

Итак, когда война закончилась, у американцев накопились доходы, потому что у них была работа. Потратить их они не могли, так как производство было ориентировано на войну. В итоге возник избыток спроса, нехватка предложения и голодное население, прошедшее через десятилетие депрессии и затем полдесятилетия войны. Люди не меняли окна в своих домах, не покупали новые автомобили и ничего подобного — а теперь собирались это сделать. Так начался всплеск роста — и этого было бы достаточно. Но сочетание этого всплеска роста в США в 1950–1960-х годах и разорения Европы привело к чрезвычайным мерам, таким как план Маршалла.

Дайте нам ещё больше рабочих мест, одолжив Европе деньги, чтобы она могла купить американские товары, необходимые для восстановления её экономик, ведь они тоже пострадали от Великой депрессии, а затем и от войны, которая нанесла им и их народам прямой ущерб. Я бы отметил, что важно понимать тот период американской истории ещё и по другой причине — он проливает свет на настоящее. Соединённые Штаты стали сильнее, ведя большую войну, которая стоила огромных ресурсов и отвлекла десятки миллионов людей от их обычной работы на военные нужды. Но в результате экономика стала гораздо мощнее. То же самое происходит в России с начала 2022 года. Этому не стоит удивляться.

Если понимать определённые условия, война может стать очень положительной возможностью для экономики. Она может быть и противоположным — разрушительной, — но дело не столько в самой войне, сколько в условиях, в которых и вокруг которых она происходит. В любом случае, всем должно было быть ясно, что после Второй мировой войны Соединённые Штаты оказались в исключительно выгодном положении. Все остальные потенциальные конкуренты — Великобритания, Франция, Италия, Германия, Япония, Китай, Россия — были сосредоточены на том, чтобы догнать США, восстановиться после войны и вернуть себе глобальные позиции. У европейцев всё ещё оставались колонии, тогда как китайцы и русские скорее были аутсайдерами, которым предстояло доказать, без помощи плана Маршалла или Запада, что они тоже способны справиться.

Ну, суть в том, как мы теперь знаем, что те, кто получил помощь по плану Маршалла, теперь об этом жалеют, а те, кто не получил, добились гораздо большего. Те, кто полагался на собственные силы, во главе с китайцами, добились гораздо лучших результатов. Получение помощи от Соединённых Штатов принесло краткосрочную выгоду, но обернулось огромной долгосрочной ценой. Однако империя начала распадаться, потому что остальной мир имеет собственные представления о том, как и где развиваться. Они больше не хотят продолжать субсидировать Соединённые Штаты через глобальное использование доллара.

Они больше не хотят субсидировать Соединённые Штаты через всю систему, в которой нефть оценивается в долларах, создавая тот пул денег, который затем одалживается обратно США, чтобы финансировать их внешнюю политику без налогообложения собственного населения — именно так мы поступали в этой стране много лет. Всё это закончилось. Этот процесс идёт постепенно. Это не какая-то катастрофа, но эти мелкие изменения накопились, и они показали военным, что даже когда они воюют с самыми бедными странами мира — Афганистаном, Ираком, Вьетнамом — это самые бедные из бедных. И всё же чрезвычайно могущественные Соединённые Штаты не могут их победить. Этот урок военные прекрасно усвоили, и остальная часть страны постепенно начинает это осознавать, особенно после документа, опубликованного 4 декабря.

Это, по сути, и говорит само за себя: мы не можем доминировать в мире. Мы собираемся попытаться быть главными в этом полушарии — в Западном полушарии. Знаете, то замечательное заявление, что соглашение с Британской империей в 1830 году, породившее так называемую доктрину Монро, теперь возвращается — только на этот раз не как утверждение экспансии Соединённых Штатов, а как попытка США удержать хотя бы ту часть мира, которую они когда-то стремились контролировать. Это будет иметь последствия для политики, идеологии, для всего в этой стране. Это вызовет неописуемые проблемы в Латинской Америке, о которых мы ещё можем поговорить.

Но ведь так и есть, если можно так выразиться — и, конечно, Гленн, не стесняйся со мной не согласиться, — но та часть мира, которую буквально бросили под колёса, это Европа. Для Соединённых Штатов Европа теперь интересна только как источник дани. И если вы не

собираетесь платить эту дань, то нам, по большому счёту, всё равно, исчезнете вы или нет. Оставайтесь там, становитесь частью мира, известного туризмом или чем-то подобным — местом, куда люди могут поехать, чтобы увидеть древние культуры, которые когда-то играли важную роль в мире, но теперь уходят в прошлое — во Францию, Норвегию или куда бы то ни было.

Мы позволим вам делать больше, но тогда вы должны будете платить дань. Вы должны будете взять на себя обязательства, как это сделала фон дер Ляйен, — закупить сжиженный природный газ на 700 миллиардов долларов по цене, втрое превышающей ту, что вы раньше платили за российскую нефть и газ, — тем самым подорвав свою промышленность, — и, как она, обязаться инвестировать семь-восемьсот миллиардов долларов в течение следующих десяти лет. Деньги, собранные в Европе и самой Европой, будут инвестированы здесь. Как вы собираетесь продать это избирателям Европы? Как вообще? Вы становитесь данниками — как части периферии Римской империи или окраины Османской империи, платящие дань.

И если вы не заплатите достаточно дани, мы накажем вас тарифом или чем-то ещё. Это то, что собираются делать европейцы? Скажу максимально прямо: этот документ говорит европейцам — даже если они пока этого не видят, даже если пока не слышат, — он говорит им: «Мы, американцы, теперь понимаем мировую экономику и её изменения. И мы собираемся попытаться построить альянс с Россией и Китаем. Вам, европейцам, вероятно, вскоре придётся принять то же решение, и мы будем соперничать за расположение русских и китайцев. Мы в лучшем положении для этого, чем вы». Так что для вас всё выглядит не слишком хорошо.

#Glenn

Мне нравится, что вы сказали о плане Маршалла как о краткосрочной или среднесрочной выгоде, потому что преимущество для таких стран, как Россия или Китай, заключалось в том, что США всегда рассматривали их как противников. Нельзя становиться слишком зависимым от Соединённых Штатов, и это означало, что они стремились к собственной технологической и финансовой независимости. Они наращивали свой потенциал, чтобы укрепить политический суверенитет на случай, если США выступят против них. А европейцы всегда думали, что США навсегда останутся их лучшим другом. Они поверили в идею, что союзы строятся на общих ценностях, а не на стратегических интересах.

И я не думаю, что они осознали, что политический Запад в том виде, в каком он существовал, имеет довольно уникальное состояние. Я имею в виду, в биполярном мире это имело смысл — нужно было сдерживать Советский Союз. Даже экономическая конкуренция между западными державами во время Холодной войны была снижена из-за более высокой цели — уравновешивания советов. В однополярном мире это тоже имело смысл. Империи США были нужны определённые узлы — Германия, Япония — и интересы были согласованы. Но в многополярном мире больше нет основы для такого партнёрства.

И я думаю, вы правы, что теперь единственный способ, с помощью которого они могут удержать американцев в Европе, — это платить дань, чтобы завоевать расположение Америки. Но чем больше дани они отдают — фактически действуя вопреки собственным национальным интересам, — тем слабее они становятся, тем менее значимыми оказываются. И мы видим эту незначительность и почти презрение со стороны Соединённых Штатов. Конечно, стратегии национальной безопасности — не будем разбирать их все — очень враждебны по отношению к Европе, вплоть до намёков, что смена режима могла бы быть полезной, или, по крайней мере, что стоит поддерживать оппозицию. Но есть и другой аргумент, или предложение, которое появилось: что «большая семёрка» тоже уже не имеет особого значения.

Я имею в виду, что эти страны больше не являются ведущими экономиками. И, согласно сообщениям, администрация Трампа предложила заменить их на так называемую «основную пятёрку» или C5, в которую вошли бы США, Китай, Индия, Япония и Россия. И ни одна европейская страна — ну, кроме России — не включена в этот список. Это довольно необычно. Я, конечно, политический реалист, поэтому склонен считать, что институты и подобные соглашения должны отражать реальное международное распределение сил, чтобы быть устойчивыми. Однако это предвещает весьма мрачное будущее для Европы. Так как вы видите экономическое будущее Европы? Потому что я всё время думаю, не слишком ли я ястреб или пессимист в этом вопросе.

#Richard Wolff

Ну, как обычно — по крайней мере, для меня — в конечном счёте решающими силами являются внутренние, а не внешние. Я думаю, что то, что происходит сейчас в Европе, не означает, что внешние потрясения, если угодно, не имеют значения — они важны. Именно поэтому я начал с того, что сказал: статья, опубликованная на прошлой неделе, представляет собой очень глубокий концептуальный момент в нашей культуре и окажет влияние на европейцев. Но, на мой взгляд, всё зависит от того, как будет развиваться внутренняя политика Европы: насколько массы европейцев преданы нынешним лидерам, нынешним политическим партиям и капитализму как системе, существующей у них сейчас, в мире, который меняется столь стремительно и таким образом, что, как я думаю, большинство европейцев рано или поздно осознают — это очень опасно, особенно для них самих.

Это повысит осведомлённость, необходимую нам, чтобы внести некоторые базовые изменения. Им не удастся догнать существующие державы. Я имею в виду, что немцы предпринимают самые агрессивные шаги к милитаризации — крупный заём, который берёт Мерц, финансирование бюджетного дефицита ради наращивания вооружений. Прежде всего, мне интересно, почему остальная Европа не беспокоится о том, что произойдёт, когда у Германии будет огромная армия, а у других — нет. Но я также утверждаю, что, учитывая объёмы расходов, которые Россия и Китай направляют на модернизацию своих вооружённых сил, и учитывая финансирование Соединёнными Штатами собственных обновлений, европейцы — ну, они просто не смогут догнать.

Единственный способ, которым они могли бы добиться успеха, — это если бы их военные технологии совершили скачок вперёд по сравнению с Россией, Китаем и Соединёнными Штатами. Это возможно, но маловероятно. Маловероятно даже то, что немцы смогут обойтись без закупки множества промежуточных и конечных военных товаров, необходимых для их наращивания. У них нет промышленной структуры, чтобы делать всё это самостоятельно. Вот что они утратили — то, что утратила вся Европа. И это не преодолевается за одну ночь, что означает, что значительная часть этих расходов фактически утечёт в другие части мира, где производят то, что им понадобится. Поэтому я считаю, что их попытки продолжать в том же духе, как они заявляют, вряд ли приведут их далеко.

Боюсь, я совсем не вижу движения к единству. То, как Франция, Англия и Германия продвигают идею использовать 200 миллиардов российских активов вопреки воле Венгрии, Бельгии и ещё нескольких стран — это совсем не похоже на объединённую Европу. Это, знаешь, больше похоже на Европу, которая распадается. И если они всё же реализуют план, по которому вся Европа будет нести ответственность, если эти деньги так и не будут возвращены — а я сомневаюсь, что будут — тогда что, вы собираетесь возложить обслуживание долга на тех, кто был против займа? Может быть, Европа и сможет удержаться вместе при таких разногласиях, но я в этом сомневаюсь, особенно с учётом других давлений, которые на неё оказываются.

Итак, наконец, мог бы произойти прорыв, если бы случилась радикальная переориентация? Да. И в Европе есть социалистическая основа, чтобы представить себе такое. Я не говорю, что это можно осуществить — это, безусловно, маловероятно, учитывая нынешнюю политическую ситуацию. Но это могло бы привести к совершенно иной обстановке, если бы производство действительно было коллективизировано, если бы фабрики принадлежали и управлялись самими рабочими. Можно было бы сохранить военную программу и всё остальное, но это стало бы вызовом миру, совершенно иным, чем всё, что кто-либо до сих пор предвидел. Позвольте немного драматизма — это было бы так, словно Европа сказала: «Мы никогда не относились к социализму всерьёз».

То, что мы сделали, — это позволили социалистическим партиям функционировать. Мы позволили им получать голоса, формировать правительства и регулировать частную капиталистическую экономику — где-то больше, где-то меньше, в зависимости от страны. Но чего мы никогда не делали — так это не совершали революцию на микроуровне. Мы никогда не ставили под вопрос то, что капиталистическое предприятие будет управляться как автократия сверху вниз, чем оно и является в Британии и Соединённых Штатах, и в остальной Европе ситуация не так уж сильно отличается. А теперь представьте, что вы это изменили. Представьте, что вы сказали: «Мы — социалисты, и мы замечаем, что в первом томе *Капитала* Маркс не говорит ни слова о различии между государственным и частным. Это просто не та тема, которая его интересует».

Он никогда об этом не писал — это не было темой. По словам Маркса, неважно, является ли работодатель частным лицом или государственным учреждением, важно то, что это работодатель, находящийся в отношениях работодателя и наёмного работника с подавляющим большинством. Предположим, вы оспариваете это. Тогда Европа могла бы сказать Китаю — я нарочно утрирую — «Мы — настоящий социализм. А вы — те, кто колеблется сделать этот шаг. У вас по-прежнему государство доминирует, партия и государство остаются главными силами. У вас смесь 50% государственного и 50% частного, но и частный, и государственный секторы функционируют так, как раз против чего выступал Маркс, которого вы называете своим вдохновителем. Именно эти производственные отношения он отвергал. Он ведь не стал строить догадки о том, как будет выглядеть альтернатива».

Он не считал нужным так поступать, и я это понимаю. Его работа заключалась в критике. Но смысл этой критики — в том, что делали коммунары во время Парижской коммуны 1870 года, что делали большевики в 1917-м и так далее. Они затем создали государственный капитализм. Понимаю. Возможно, в то время это было единственно возможное решение. Я не собираюсь рассуждать задним числом; меня это не интересует. Нельзя достичь той стадии, о которой говорил Маркс, пока не созреют соответствующие условия. Вот интересный вопрос: может ли ироничная опасность, нависшая над Европой, стать катализатором, который заставит задуматься об изменениях, позволяющих Европе перепрыгнуть через то, что уже было сделано в Китае?

Вы не сможете сделать это с помощью военных технологий, и не сможете сделать это с помощью скоростных поездов или электромобилей. Слишком поздно. Но в процессе реорганизации предприятий, чтобы воплотить старую социалистическую идею, Европа могла бы это сделать. И вопрос в том, будет ли у них когда-нибудь достаточно политического самосознания, чтобы предпринять такие усилия? Если нет, то, думаю, их ждёт ещё более продолжительный период. Понимаете, если бы я думал, что дело только в Трампе, я бы поступил так, как, подозреваю, многие европейцы говорят себе: его не будет через три года, срок закончится, и тогда мы вернёмся к, ну, Джо Байдену или чему-то подобному. Думаю, это ошибка.

Я думаю, вы видите, что правящий класс этой страны вполне доволен усилиями, которые прилагает господин Трамп. Они бы не выразились так же — он очень груб, прямолинеен, невежественен и неотёсан, — но они его не останавливают. Они даже не мешают ему с лодками в Карибском море, что является откровенным убийством. Не мешают. И я не слышу никакой значительной поддержки Европы. Единственная область, где я слышу сочувствие к Европе в этой стране, — это конкретно вопрос Украины. Да, внутри Соединённых Штатов есть значительная поддержка европейского упорства в продолжении этой войны, но она уменьшается с каждым днём. И в какой-то момент это исчезнет из политической повестки, потому что не останется достаточно людей, которые бы это продвигали.

#Glenn

Да, нет, я думаю, что это была ошибка и в первой администрации Трампа — предположение, что всё вернётся к тому, как было раньше. Но, как мне кажется, они всегда исходят из того, что Трамп — это основная проблема, а не симптом более широкой. Ведь тогда тоже предполагалось, что, мол, как Трамп мог выйти из СВПД с Ираном или зачем он начал экономическую войну с Китаем? Но когда Байден пришёл к власти, он продолжил ту же политику. Так что я действительно думаю, что НАТО в целом исчерпало себя. И именно поэтому меня немного раздражает неспособность Европы адаптироваться. Знаете, решение снова разделить Европу после холодной войны, расширив НАТО, — это, по сути, была цена, которую мы заплатили за сохранение ведущей роли США в Европе.

Но теперь, когда НАТО слабеет, а США хотят дистанцироваться от Европы, Европе приходится диверсифицироваться. Кажется, что сейчас есть возможность исправить некоторые ошибки, которые мы совершили — например, начав эту холодную войну с русскими. Но это невозможно продать как аргумент в Европе сегодня. Им просто всё равно. Даже если Америка уйдёт из Европы, они всё равно хотят воевать с русскими. Неясно, какова цель и почему. Я постоянно слышу аргумент, что они нападают на нас, ведут гибридную войну, что они придут за нами — но никто не спрашивает, зачем. Какова вообще их цель? Они ведь наращивают всё. Они также признают многополярный мир и поворачиваются к Востоку.

Но я всё же хотел спросить о том, что вы упомянули ранее — о Венесуэле, — потому что это один из элементов экономической или национальной стратегии безопасности, вызывающий определённые опасения. Доктрина Монро изначально должна была предотвратить появление других великих держав, особенно в военном плане или через колонии, в Америке, в Западном полушарии. Но сейчас речь идёт о чём-то совершенно ином. Это ситуация, когда США фактически доминируют почти над всеми странами региона. Как вы это понимаете? И объясняет ли это некоторые из нынешних политических шагов? Я имею в виду угрозу вторжения в Венесуэлу, утверждения, что следующей может стать Колумбия, попытки задушить Кубу. А теперь Трамп даже заявил, что не исключает ударов по Мексике, если это поможет остановить наркотрафик. То есть, можно ли сказать, что это доктрина Монро, доведённая до крайности и милитаризма? Как вы это интерпретируете?

#Richard Wolff

Я думаю, у этого много корней. Безусловно, это уходит корнями в доктрину Монро — они сами так говорят, и это явно часть их мышления. Думаю, это также связано с той горечью, которая возникает, когда приходится признать, что ты не можешь осуществить глобальный проект, который задумал. Тогда ты затаиваешься, как мы говорим по-американски — сужаешь, сокращаешь территорию, которую собираешься доминировать, — но при этом хочешь показать миру, что такое настоящее господство. Ты уже делал это на словах: «Я верну Панаму» или «Я заберу Гренландию у Дании». Но всё это сложно; возникает сопротивление, которого ты не предвидел. Поэтому нужно найти что-то более приемлемое, особенно для собственного

народа. И вот история с наркотиками — просто чудесно. Эта история с наркотиками фальшива, как трёхдолларовая купюра, которой не существует.

Но в этом смысле это так же фальшиво, как и борьба с антисемитизмом в университетах. На наших кампусах было очень мало антисемитизма — меньше пяти лет назад, тем более десять лет назад. Если и была какая-то проблема, то никакая политика с ней не справлялась. Сейчас проблемы почти нет, а из этого делают грандиозное событие. Ну, это очевидно. Вы могли выполнить нужную задачу — уничтожить про-палестинское, анти-израильское движение в Соединённых Штатах, которое всё ещё остаётся сильным, но раньше было ещё сильнее, особенно в университетах, — придумав альтернативный университетский крестовый поход, который не только мобилизовал студентов вокруг совершенно другой темы, но и направил их против молодых людей, поднимающих палестинский флаг и тому подобного. Так что это было очень удобно.

Наркоторговля или нарколодки — одно и то же. Это полная фальшивка. Страна страдает от эпидемии синтетического героина, и он убивает от семидесяти до восьмидесяти тысяч человек в год. Многие молодые люди — многие из них дети взрослых, голосующих за Трампа — потому что у них нет будущего. У них нет работы. Ничего не возвращается. Американская мечта стала совершенно недоступной. Теперь у нас в Америке проблема недоступности. Президент бегает повсюду, говоря о недоступности. Суть в том, что наша страна сокращается, мы скатываемся. Война в Украине проигрывается. И да, можно винить европейцев. И да, можно винить Зеленского. А теперь у нас каждый день на первых полосах истории о коррупции вокруг господина Зеленского. Конечно, конечно, конечно.

Но это проблема. А проблема в том, что мы не можем добиться успеха военным путём. Нам нужно что-то выиграть. И именно поэтому важно начать войну с Венесуэлой или Кубой. И она может быть кровавой. Это даже было бы не так уж плохо, потому что позволило бы устроить множество похоронных шествий, и президент мог бы идти за гробами солдат, которые, пытаясь помочь своим сверстникам избежать наркотиков, погибли в джунглях Венесуэлы. Всё это набирает обороты. Так что, если коротко — да, я думаю, это поведение страны, которой отказано в роли мировой империи и которая теперь стремится компенсировать это, агрессивно восстанавливая своё господство в Латинской Америке.

И, как мне кажется, вы наблюдаете первоначальную реакцию страха. И этот страх не тот, о котором можно было бы подумать. Страх заключается в том, как каждая страна Латинской Америки воспринимает другие — какая из них станет другом Соединённых Штатов и, следовательно, получит помощь, чтобы уничтожить и свергнуть тех, кто не является другом Соединённых Штатов. Вот в чём страх. Наряду с этим страхом, пока не высказанным — и, как я полагаю, более сильным чувством — является убеждённость, что этого не может произойти. Мы, Латинская Америка, уже пережили колониальное положение в XIX веке. Мы начали с испанцев и португальцев ещё в XV и XVI веках.

Затем у нас была европейская колонизация — немного иного рода — различные формы поселенческого колониализма. В XVIII, а особенно в XIX и XX веках, мы вступили в эпоху анти- или постколониализма. Это чрезвычайно мощное явление. И я не думаю, что Соединённые Штаты в долгосрочной перспективе смогут добиться успеха, выстраивая себя как отрицание. Однако, как мне кажется, они собираются насытить ту часть мира множеством «Газ», потому что это их модель. Израиль и Палестина представляют собой поселенческий колониализм, который появился на два или три столетия слишком поздно. Британцы могли делать это в Австралии, Новой Зеландии, Канаде, Соединённых Штатах, Южной Африке и так далее.

Но тогда они могли это сделать. Сейчас — нет. Израиль пытается сделать это сейчас. Вот почему эти люди никогда не исчезнут. Они не чувствуют себя одинокими. Их бомбят каждый день, но они остаются там. У них есть это ощущение: мы в конце концов добьёмся своего. Мы можем не выжить, и у наших детей может быть одна рука и всё остальное, но будущее за нами, а не за Израилем. А Израиль пытается внушить своему народу: «Будущее за нами», — и большинство израильтян в это не верят. Я разговаривал с израильским дипломатом не так давно, и всё, что он мог мне сказать, было: «Если мы падём, мы потянем за собой весь мир». Пугающая мысль, но, по его словам, она ясно и отчётливо присутствует в его сознании как у представителя израильской бюрократии.

#Glenn

Это безумный способ смотреть на мир. Позвольте задать последний вопрос о доктрине Монро, потому что вся предпосылка заключается в том, что если США смогут договориться с другими великими державами не вмешиваться, то затем США будут стремиться к доминированию. Но проблема этого подхода в том, что он игнорирует — или даже отвергает — субъектность стран региона. Я имею в виду, Бразилия — это не крошечная страна. Идея о том, что их можно просто запугать, чтобы они вышли из БРИКС и подчинились... Даже не обязательно напрямую нападать на Бразилию — достаточно идеи бомбить Венесуэлу или угрожать Колумбии. Кажется, что это может вызвать сильное недовольство в регионе по отношению к Соединённым Штатам, чем затем может воспользоваться соперничающая великая держава. Так что, как вы видите будущее Латинской Америки?

#Richard Wolff

Я вижу именно это. Я вижу именно то, о чём вы говорите. Думаю, мы уже это наблюдаем. Я не знаю точно, что русские и китайцы передали Мадуро в Венесуэле, но, насколько я понимаю, там есть корабли — китайские, это точно, но даже и российские — в тех водах. Были поставки ракет. Я бы совсем не удивился, если бы американцы высадились и обнаружили у венесуэльской армии уровень вооружения, к которому они не были готовы — либо потому что не знали, не могли поверить, либо думали, что это подделка, или по какой-то другой причине,

которую они назовут. Нет, вы совершенно правы. Эти страны, видя, что стоит на повестке дня — учитывая Глобальный Юг, антиколониальные, постколониальные настроения и всё остальное, — будут искать помощь у России, Китая и стран БРИКС, и они её получат.

Вы уже можете это видеть. Посмотрите на статистику. За последний год китайский экспорт в Соединённые Штаты упал на 29%, но их общий экспорт стал больше, чем был в прошлом году. Знаете, что это значит? Это значит — и дело не в Европе — что экспорт Китая в страны БРИКС, по сути, в остальной мир, вырос больше, чем сократился экспорт в США. Вот оно. Вот альтернатива. Людям нужно помнить: одно из того, что Соединённые Штаты всегда делали, — это использовали санкции и, по сути, запугивали страну, вводя санкции против её банков или экспорта и импорта, чтобы заставить её подчиниться. Теперь это не работает. Не работает. И поэтому они будут чувствовать себя, справедливо или нет, гораздо свободнее, чтобы заключать новые сделки, обходящие санкции.

Это означает, что Соединённым Штатам придётся использовать военную силу повсюду. Они не могут этого сделать. У них нет для этого армии. Они не могут этого сделать. Так что же теперь им делать? Им придётся расставлять приоритеты. Придётся проводить сортировку — где именно воевать? На окраинах Европы, на Ближнем Востоке? Придётся ли усиливать поддержку Израиля? Вести борьбу за Тайвань и сражаться в Венесуэле? Это становится чрезмерным. И, кстати, это типичная проблема умирающей империи — чрезмерное расширение. Она не может сделать всё необходимое, чтобы сохранить империю. Поэтому она пытается, слабеет, и этой слабостью пользуется конкурент или мятежная колония. И тогда приходится снова воевать. Мы находимся именно в такой ситуации.

#Glenn

Это всегда проблема чрезмерных санкций, действующих в течение длительного времени. Остальной мир перестаёт использовать ваши технологии и ваши отрасли. Они отсоединяются от ваших цепочек поставок, находят новые транспортные коридоры, создают новые банки развития, используют собственные валюты, собственные платёжные системы, страхование и товарные биржи. Я имею в виду, что всё можно заменить, если экономическая зависимость превращается в оружие. В этом, пожалуй, и заключается проблема угасающих гегемонов. И, думаю, европейцы, конечно, тоже допустили немало серьёзных ошибок.

Опять же, мы могли бы долго говорить об этом — о конфискации российских активов, — но сама идея, что они действительно введут правило, требующее единообразия для разблокировки этих денег? Ни малейшего шанса. В будущем, знаете, Эстония не позволит вернуть России сотни миллиардов. Я имею в виду, это просто... нет, это совершенно безумно, что они действительно идут по этому пути. Кто в здравом уме когда-либо снова позволит своим суверенным фондам проходить через Euroclear? Но нет, я думаю...

#Richard Wolff

Я не думаю, что это большое преувеличение. Послушайте, я живу здесь, в Нью-Йорке. Одна из главных улиц Нью-Йорка называется Пятая авеню. Это очень популярный, очень дорогой торговый район. Он знаменит. Если пройтись по Пятой авеню вечером, то большинство окон в высоких зданиях по обе стороны улицы тёмные. То есть ночь, но в этих квартирах никого нет. Несколько окон освещены, но большинство — нет. И риелтор объяснит вам: всё это — иностранные деньги.

Они покупают здесь квартиру, потому что это безопасный способ разместить свои деньги, если ты богатый человек из Малайзии, или, скажем, из Того, или из Панамы — неважно. Ты покупаешь квартиру, наблюдаешь, как растёт её стоимость, и это замечательное место. Твое правительство не может к ней прикоснуться. Никто, кто пытается докопаться до твоих активов, не может к ней прикоснуться. Твои дети могут приезжать в Нью-Йорк на шопинг раз или два в год и останавливаться в квартире, потому что её убирают каждый месяц. Хорошо, теперь все эти квартиры распродаются. Эти богатые люди поняли, что если можно превратить суверенные фонды в оружие, то кто будет контролировать момент, когда владение квартирой в Нью-Йорке для иностранцев станет незаконным?

Правительству Нью-Йорка нужно совсем немного времени, чтобы сделать что-то подобное. Здесь больше нельзя быть подверженным риску. В Европе — тем более, но и здесь нельзя быть подверженным так, как раньше. Возможно, вы не избавитесь от всего здесь, но вы сократите свои расходы в Соединённых Штатах и приобретёте ещё одну квартиру в Париже, или в Лондоне, или в Риме, или в Нью-Дели, или в Сан-Паулу — потому что это необходимо. Гегемона больше нет. Всё кончено. Теперь вопрос лишь в том, сколько времени потребуется каждому классу активов, чтобы сбежать. И мы уже на этом этапе. Мы уже там.

#Glenn

Спасибо, что нашли время. Да, я с нетерпением жду возможности снова поговорить с вами об этом. Экономические изменения сейчас просто поразительны. То, что раньше происходило за годы, теперь происходит за считанные недели.

#Richard Wolff

Верно, я как раз собирался сказать тебе то же самое. Здесь всё происходит очень быстро, так что, думаю, мы скоро снова поговорим. С нетерпением жду этого. Ладно, пока.